

0654

HARLEQUIN®

ЦЕНТРОЛИГРАФ

Майя Блейк

УРОКИ ЛЮБВИ ДЛЯ ПОВЕСЫ

Подари себе мечту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Любовный роман – Harlequin

Майя Блейк

Уроки любви для повесы

«Центрполиграф»

2015

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)

Блейк М.

Уроки любви для повесы / М. Блейк — «Центрполиграф»,
2015 — (Любовный роман — Harlequin)

ISBN 978-5-227-07039-5

Ева Пеннингтон разочаровалась в мужчинах. Теперь делом всей своей жизни она считает пение и сохранение доброго имени семьи. Чтобы спасти дорогих ей людей от разорения, она соглашается на фиктивный брак. Но во время ее помолвки случается непредвиденное – из тюрьмы возвращается ее бывший жених Заккео Джордано и требует возмездия...

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-227-07039-5

© Блейк М., 2015
© Центрполиграф, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	20
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Майя Блейк

Уроки любви для повесы

Все права на издание защищены, включая право воспроизведения полностью или частично в любой форме. Это издание опубликовано с разрешения Harlequin Books S. A.

Иллюстрация на обложке используется с разрешения Harlequin Enterprises limited. Все права защищены.

Товарные знаки Harlequin и Diamond принадлежат Harlequin Enterprises limited или его корпоративным аффилированным членам и могут быть использованы только на основании лицензионного соглашения.

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

A Marriage Fit for a Sinner © 2015 by Maya Blake

«Уроки любви для повесы» © ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

Глава 1

– Платиновые часы-хронограф. Запонки с алмазами. Золотой перстень. Шестьсот двадцать пять фунтов наличными и золотая банковская карта. По-моему, это все, сэр. Поставьте подпись здесь и подтвердите возврат вашего имущества.

Заккео Джордано не реагировал на насмешки надзирателя, ставя под список вещей подпись. Он также проигнорировал завистливый взгляд мужчины, который тот бросил на элегантный серебристый лимузин, стоящий за пределами трех боксов, огороженных колючей проволокой.

Ромео Брунетти – помощник Заккео и единственный человек, которого он мог назвать другом, стоял у машины, задумчивый и неулыбчивый, не обращая внимания на вооруженную охрану у ворот и унылые окрестности юго-восточной Англии.

Если бы у Заккео было хорошее настроение, он бы улыбнулся.

Но ему было плохо. Причем давно. Если быть точным, то уже четырнадцать месяцев две недели четыре дня и девять часов.

Он отсидел положенный ему срок, который сократили на три с половиной месяца за хорошее поведение.

От ярости в жилах Заккео бурлила кровь. Но он ничем не показал своего состояния, складывая вещи в сумку. Дорогой деловой костюм, в котором он попал в тюрьму, был в ужасном состоянии, но Заккео было на это наплевать.

Он никогда не был рабом материального комфорта. Его всегда интересовала только карьера и возможность выбиться в люди. Так было с тех пор, как он повзрослел и понял, какова окружающая его жизнь. Жизнь как нескончаемый водоворот унижения, насилия и жадности. Жизнь, которая началась у него после того, как его тридцатипятилетнего отца унизили, и он умер.

Воспоминания нахлынули на Заккео, пока он шел по ярко освещенному коридору на свободу. Он сдерживал желание отомстить за несправедливость, которое вынашивал долгие и мучительные месяцы.

Двери с лязгом захлопнулись у него за спиной.

Заккео замер, а затем набрал полные легкие воздуха свободы, сжав кулаки и закрыв глаза. Он слушал щебетание птиц, наслаждался утренними лучами зимнего солнца, прислушался к отдаленному рокоту автострады, как делал по ночам в тюремной камере.

Открыв глаза, он направился к воротам. Через минуту он был на улице.

– Заккео, как я рад снова тебя видеть, – серьезно произнес Ромео и прищурился, оглядывая его.

Заккео знал, что выглядит ужасно. Он не удосуживался бриться и стричься последние три месяца и с трудом ел с тех пор, как раскопал правду о своем заключении. Он провел много времени в тренажерном зале тюрьмы. Иначе он сошел бы с ума от желания мстить.

Заккео проигнорировал озабоченность своего друга и подошел к открытой дверце автомобиля.

– Ты принес то, что я просил? – спросил он. Ромео кивнул.

– Да. Все три файла на ноутбуке.

Заккео уселся на кожаное сиденье. Ромео расположился рядом с ним и налил два бокала итальянского коньяка.

– Будем здоровы, – пробормотал Ромео.

Заккео молча взял напиток и залпом выпил янтарную жидкость.

Роскошный лимузин увозил Заккео все дальше от места, ставшего его домом на целый год. Он потянулся за ноутбуком.

Его охватила ледяная ярость, когда он увидел логотип компании «Джордано Уолдвайд». Работа всей его жизни, почти уничтоженная из-за чужой жадности и жажды власти. Только благодаря Ромео компания сохранилась после того, как Заккео отправился в тюрьму за преступление, которого не совершал. Ромео постарался, чтобы компания не просто выжила, а процветала.

Но репутация Заккео пострадала.

И вот он на свободе и готов привлечь виновных к ответственности. Он не успокоится, пока последний человек, пытавшийся разрушить его жизнь, не расплатится с ним сполна.

Пытаясь унять дрожь в руках, Заккео открыл файл.

Там была вся необходимая ему информация, но он уже и так почти все знал. Три месяца он проверял и перепроверял свои источники, чтобы убедиться, что все верно.

Заккео выдохнул, увидев первое фото во весь экран.

Оскар Пеннингтон третий. Дальний родственник королевской семьи. Воспитанник Итонского колледжа. Богат. Влиятелен. Жаден. Беспорядочен в связях. В списке его приобретений, сделанных четырнадцать месяцев и две недели назад, знаменитый дом «Шпиль», которым он владеет единолично.

Заккео сдержал рычание. Он спокойно пролистал страницы о том, как Пеннингтон праздновал свой успех на вечеринках, роскошных обедах и соревнованиях по поло. На одном из фото он был запечатлен вместе с дочерью, ему было весело.

Софи Пеннингтон. Училась в частном университете. Специалист по финансам. Очень красивая. Настоящая светская львица. Она доказала, что, вне всякого сомнения, жаждет стать копией своего отца.

Заккео с мрачным видом закрыл файл о Софи и открыл последний документ.

Ева Пеннингтон.

На этот раз он не сдержал рычания. У него снова задрожала рука.

Волосы цвета карамели падали на ее плечи густыми волнами. Темные брови и ресницы, обрамляющие зеленые глаза, ярко подведенные черным карандашом. Ее глаза очаровали его, как только он увидел их впервые. Ее полные губы изгибались в чувственной улыбке. На фото были видны только ее голова и плечи, но Заккео отлично помнил тело Евы, ее аппетитные, пышные формы. Она была вынуждена носить туфли на высоких каблуках, которые ненавидела, чтобы казаться выше.

Заккео не забыл ее жестокость. Лежа на тюремной кровати, он ругал себя за то, что позволил ей и ее отцу предать себя. Он всегда гордился умением читать между строк и вычислять охотниц за миллионами, но на этот раз его провели.

Поджав губы, Заккео просмотрел информацию о ее жизни и вдруг замер, читая последнюю страницу.

– Это свежие данные? – спросил Заккео.

– Я добавил их вчера. Я думал, тебе будет интересно, – ответил Ромео.

Заккео смотрел на газетную статью и не мог отойти от шока.

– Да, спасибо.

– Ты хочешь вернуться в поместье Эшер или в пентхаус? – спросил Ромео.

Заккео снова прочитал сообщение в газетной статье. Особняк Пеннингтон, восемь часов вечера, триста гостей. Затем семейный ужин в воскресенье в «Шпиле».

«Шпиль» – здание, которое было самым большим достижением Заккео.

– В поместье, – ответил он и закрыл файл, пока Ромео отдавал поручение водителю.

Положив голову на подголовник сиденья, Заккео постарался успокоиться, слушая гул автомобильного двигателя. Но успокоиться ему не удалось.

Он должен изменить свой план.

«Прочность цепи определяется ее самым слабым звеном». Раз все три члена семьи Пеннингтон были в сговоре против него, необходимо сменить тактику. В любом случае Заккео не остановится, пока все трое не лишатся своего богатства и достатка.

Первый удар он нанесет сегодня вечером.

Заккео начнет с младшего члена семьи – Евы Пеннингтон, своей бывшей невесты.

Ева Пеннингтон смотрела на платье в руках своей сестры.

– Ты серьезно? Я ни за что это не надену. Почему ты не сказала мне, что одежды, которую я оставила в особняке, больше нет?

– Потому что ты не хотела ее носить. К тому же те платья были старыми и вышедшими из моды. Это платье прислали с курьером из Нью-Йорка сегодня утром. Оно из последней коллекции, – ответила Софи.

Ева поджала губы:

– Меня не волнует, даже если бы его соткали десять тысяч шелкопрядов, я бы не обратила на него внимания. Я не ношу платья, в которых выгляжу как проститутка и охотница за миллионами. А учитывая состояние наших финансов, я бы не бросала деньги на ветер. – Она не понимала, почему Софи и отец так беспечно игнорируют их проблемы с деньгами.

Софи разбушевалась:

– Это платье сшито в единственном экземпляре! Твой будущий муж любит такие смелые наряды. В любом случае ты будешь носить его всего четыре часа, пока тебя фотографируют и пока не закончится вечеринка.

Ева стиснула зубы:

– Перестань мной манипулировать, Софи. Ты забываешь, кто выручил тебя и отца из беды. Если бы я не договорилась с Гарри, мы остались бы на мели уже через неделю. Что касается его предпочтений в женской одежде, то, если бы ты удосужилась поговорить со мной, не тратила бы деньги зря. Я сама выбираю себе одежду и никто другой.

– Поговорить с тобой? Между прочим, вы с папочкой втайне от меня вынашивали этот план, – проворчала Софи.

Сердце Евы заняло: она услышала нескрываемую ревность в голосе сестры.

В течение двух недель Ева должна была принять важное решение, но она не находила в себе сил. И не важно, что мужчина, за которого она согласилась выйти замуж, был ее другом и она помогала ему так же, как он помогал ей.

Однако ее сестра относилась к этой ситуации совершенно иначе. Софи ревновала отца к сестре, и именно поэтому Ева переехала из особняка Пеннингтонов. Хотя у их отца был непростой характер и с ним было нелегко уживаться.

Сколько Ева себя помнила, Софи ревностно требовала внимания отца. При жизни матери было проще признавать, что Софи – любимица отца, а Ева – мамина дочка, хотя ей всегда хотелось быть одинаково любимой обоими родителями.

После смерти матери каждая попытка Евы пообщаться с отцом сталкивалась с сопротивлением Софи и безразличием отца.

– Мы ничего не хотели от тебя скрывать, – сказала Ева. – Ты была в командировке.

– И я работала по специальности, но, кажется, мой диплом уже не понадобится. Ведь теперь появилась ты, после трех лет выступлений в захудалых пабах, – резко прервала ее Софи.

Ева сохраняла спокойствие, хотя слова сестры ее обидели.

– Ты знаешь, почему я уволилась из компании Пеннингтонов. Отец нанял меня на работу только для того, чтобы я нашла себе подходящего мужа. И только потому, что мои мечты не совпадают с твоими.

– Вот именно. Тебе двадцать четыре года, и ты до сих пор мечтаешь. У остальных нет такой роскоши. Не все надеется, что вдруг явится некий миллионер и решит все проблемы.

– Гарри спасает всех нас. По-твоему, мне приятно играть помолвку уже второй раз за прошедшие два года? – спросила Ева.

Софи положила платье на кровать Евы:

– Все наши близкие считают, что ты будешь помолвлена в первый раз. Твоя прежняя помолвка не продлилась и пяти минут. Вряд ли кто-нибудь знает, что она вообще состоялась.

Ева пришла в ярость.

– Я знаю, что она состоялась, – сказала она.

– Если мое мнение все еще имеет значение, я бы посоветовала тебе забыть о ней. Эту тему лучше оставить в прошлом.

Ева не скрывала обиды.

– Я не могу притворяться, будто помолвки не было только потому, что после произошли неприятные события.

– Скандал нам сейчас нужен меньше всего. И я не знаю, почему ты обвиняешь отца в том, что произошло. Ты обязана благодарить его за то, что он освободил тебя от того человека, хотя и слишком поздно, – ответила Софи с азартом.

Софи говорила о Заккео Джордано.

Ева не понимала, отчего у нее заныло сердце: то ли от мысли о Заккео, то ли от напоминания о том, какой доверчивой она была, думая, будто он не похож на других мужчин.

Она разжала пальцы, потом снова сжала их в кулаки.

Именно поэтому она предпочла жить вдали от своей семьи в Суррее. Именно поэтому ее коллеги-официантки знали ее как Еву Пенна – официантку и певицу из лондонского ночного клуба «Сирена», а не леди Еву Пеннингтон – дочь лорда Пеннингтона.

Отношения с отцом всегда были непростыми, но Ева не предполагала, что их взаимопониманию с сестрой тоже придет конец.

Она откашлялась:

– Софи, моя помолвка с Гарри никак не повлияет на то, что вы делали с отцом ради спасения состояния Пеннингтонов. Тебе не нужно расстраиваться или ревновать. Я вовсе не пытаюсь занять твоё место.

– Ревность? Не будь душой, – глумилась Софи, хотя в ее голосе слышались нотки паники, отчего у Евы защемило сердце. – Ты никогда не займешь моего места. Я правая рука отца, а ты всего лишь... – Она вздернула нос, помолчала несколько секунд, потом прибавила: – Скоро приедут гости. Пожалуйста, не опаздывай на собственную помолвку.

Печальная, Ева сглотнула:

– Я не собираюсь опаздывать. Но я не надену это вызывающе открытое платье.

Она подошла к гигантскому гардеробу эпохи Георга III напротив кровати, хотя уже просматривала его содержимое и не нашла подходящего наряда.

В эти дни Ева довольствовалась униформой официантки, когда работала, а на отдыхе носила джинсы и свитера, сочиняя музыку в выходные дни. Высокая мода и спа-салоны остались для нее в прошлом.

К сожалению, на этот раз Еве не удастся избежать вечеринки. Однако ей предстоит спасти собственную семью.

Она тщетно пыталась остановить воспоминания, которые нахлынули на нее после возвращения в особняк Пеннингтонов.

Заккео был для нее ошибкой прошлого. Напоминанием о том, что игнорирование прежних уроков приведет только к страданиям.

Ева облегченно вздохнула, когда ее рука коснулась шелковой шали. Красное платье было слишком откровенным для спектакля, на который ее отец пригласил триста гостей. Но по крайней мере, Ева сможет отгородиться от излишнего внимания шалью.

Снова взглянув на платье, она вздрогнула.

Ей очень не хотелось участвовать в этом мероприятии, насквозь пропитанном ложью. Но ведь вся ее жизнь – сплошное притворство. Начиная с родителей, которые считались завидной парой, а за закрытыми дверями жутко ссорились, пока мать Евы не заболела раком. И заканчивая роскошными вечеринками и дорогими праздниками, на которые ее отец тайком занимал деньги.

С появлением Заккео отец Евы стал тратить еще больше денег.

Нет, она не хотела думать о Заккео. Сегодня она с Гарри Фэрфилдом – спасителем ее семьи и будущим мужем. Кроме того, у отца плохо со здоровьем.

Только по этой причине Ева снова попыталась наладить отношения с Софи.

– Я хочу, чтобы сегодняшний вечер прошел без проблем. Хотя бы ради отца, – сказала Ева. – Мы с тобой можем не ссориться?

Софи застыла:

– Если ты намекаешь на его госпитализацию две недели назад, то я о ней не забыла.

Наблюдая, как отец едва дышит во время сердечного приступа, Ева пришла в ужас. Из-за его болезни ей пришлось так быстро согласиться на предложение Гарри.

– Сегодня он хорошо себя чувствует, да?

– Он будет в порядке, как только мы избавимся от кредиторов, которые угрожают нас разорить, – ответила Софи.

Ева выдохнула. Пути назад нет. Никто, кроме нее, не поможет семье Пеннингтон.

Ева провела целый день с бухгалтерами компании Пеннингтонов и убедилась, что предприятие находится в отчаянном положении. Гарри Фэрфилд – их последняя надежда.

Она расстегнула красное платье, поборов желание его снять.

– Тебе помочь? – поинтересовалась Софи, и в ее голосе слышалось фальшивое участие.

– Нет, я справлюсь.

Ева пережила в одиночку и смерть матери, и отторжение отца, и неразумное поведение Софи, и предательство Заккео.

Софи бодро кивнула:

– Тогда встретимся внизу.

Ева надела платье, стараясь не смотреться в зеркало. Дрожащими пальцами она взяла помаду и накрасила губы, а потом надела красные туфли.

Завернувшись в красную с золотом шаль, она наконец посмотрела на свое отражение.

«Выше голову, детка! Пора показать себя во всей красе».

Так говорила Еве перед выходом на сцену менеджер ночного клуба «Сирена».

К сожалению, она не в «Сирене». Она обещала выйти замуж за человека, которого не любила, ради спасения семейной репутации.

И никакие напутствия не приободрят ее и не остановят нарастающее волнение.

Глава 2

Организаторы вечеринки превзошли сами себя. Приглушенное освещение, горшечные пальмы и декоративные экраны, расположенные в главных залах особняка Пеннингтонов, скрывали облупившуюся штукатурку, сколы на деревянных панелях и потрепанные обюссонские ковры.

Ева отпила шампанского из бокала, который держала в руке последние два часа и пожалела, что время тянется так медленно. Она не могла уйти с вечеринки, которая закончится поздно ночью. Ей нужно отвлечься, иначе она сойдет с ума.

Стиснув зубы, Ева улыбнулась еще одному гостю, который захотел увидеть ее обручальное кольцо. Огромный розовый бриллиант демонстрировал богатство Фэрфилдов.

Громкий голос отца Евы прервал ее размышления. Окруженный влиятельными политиками, внимавшими каждому его слову, Оскар Пеннингтон был в своей стихии.

Полный, но довольно высокий, ее отец являлся воплощением властности, и проблемы со здоровьем не пошатнули его величия. Служба в армии тридцать лет назад сделала его беспощадным. Однако он умел прикинуться очаровательным, поэтому легко привлекал внимание людей.

Но даже его харизма не спасла семью от экономического краха четыре года назад.

После того как заболела мать Евы, с семьей Пеннингтон практически сразу перестали общаться многие их знакомые. Оскар отчаянно пытался сохранить семейные деньги и репутацию. В результате он связался с Заккео Джордано.

Ева нахмурилась, вспоминая о мужчине, которого старалась забыть. В последний раз, когда она его видела, Заккео уводили в наручниках...

– Вот ты где! Я повсюду тебя ищу.

Ева упрекнула себя за то, что испытывает вину, ведь она не совершала преступления.

Она улыбнулась Гарри.

Ее старинный друг по университету – технический гений – перестал заниматься изобретательством, став известным и богатым. Теперь он мультимиллионер и способен выручить Пеннингтонов. Он последняя надежда семьи Евы.

– Ну, ты меня нашел, – сказала она.

Гарри был ненамного выше ее. Поэтому Еве не приходилось задирать голову, чтобы посмотреть в его карие глаза, взгляд которых был мягок.

– Ты в порядке? – спросил он и озабоченно посмотрел на свою спутницу.

– Да, – беззаботно ответила она.

Казалось, Гарри ей поверил. Он был одним из немногих, кто знал о расторгнутой помолвке с Заккео. Он видел ее фальшивые улыбки, слышал обещания о том, что она смирится с браком по расчету, поэтому спросил напрямик, повлияет ли на их семейную жизнь ее прошлое с Заккео Джордано. Ева быстро заверила его в том, что все будет хорошо.

Но теперь он выглядел неуверенным.

– Гарри, не накручивай себя. Я справлюсь, – настаивала Ева, несмотря на то что на душе у нее скребли кошки.

Он внимательно оглядел ее, потом подозвал официанта и взял бокал шампанского.

Ева нахмурилась:

– Я думала, ты сегодня не будешь напиваться. – Она указала на его бокал.

– Черт побери, ты ведешь себя как надоедливый супруга. – Он захихикал. – Перестань, радость моя, родители уже дали мне нагоняй.

Познакомившись с его родителями неделю назад, Ева легко могла себе представить, как они ругали сына.

– Помни, зачем ты это делаешь, – сказала она. – Ты хочешь сорвать пиар-кампанию по поднятию твоего имиджа?

Хотя Гарри было наплевать на положение в обществе, его родители жаждали престижа и достойной родословной. Только угроза бизнесу Гарри, наконец заставила его обратить внимание на свою разгульную жизнь.

Он взял Еву за руку и наклонил к ее виску свою светловолосую голову:

– Я обещаю вести себя примерно, – произнес он. – Теперь, когда утомительные тосты произнесены и мы с тобой официально помолвлены, настало время лучшей части вечеринки. Фейерверк!

Ева поставила бокал с шампанским на стол и вышла из алькова столовой, в котором любила сидеть в детстве.

– Разве это не должно стать сюрпризом? – спросила она.

Гарри подмигнул ей:

– Да. Но раз мы всех обманули, притворяясь безумно влюбленными, то мы сумеем изобразить удивление от фейерверка.

Она улыбнулась:

– У тебя точно получится.

Гарри прижал руку к сердцу:

– Благодарю, моя прекрасная леди Пеннингтон.

Вспомнив, ради чего затевался брак по расчету, Ева почувствовала, будто ей под ребра воткнули нож. Она вышла на террасу, чтобы посмотреть на большой сад.

В саду когда-то были широкие пруды, огромный летний дом и сложный лабиринт, но из-за высокой стоимости содержания сад превратился в лужайку.

Гости заплодировали, как только Ева и Гарри появились на террасе. Она взглянула на смотрящих на них Софи, отца и родителей Гарри.

Ева поймала взгляд своего отца, и у нее скрутило живот.

Ева спасала свою семью от разорения, но даже это не поможет ей сблизиться с сестрой и отцом.

Пусть он принял ее помощь в сохранении наследия Пеннингтонов, но был недоволен выбранной ею профессией.

Отвернувшись, Ева улыбнулась и радостно воскликнула, когда начался фейерверк.

– Мои родители хотят жить вместе с нами, – прошептал ей на ухо Гарри.

– Что?

Он рассмеялся:

– Не волнуйся. Я убедил их, что ты ненавидишь мою холостяцкую берлогу, поэтому мы найдем себе отдельное жилье.

– Спасибо, – с облегчением ответила она.

Гарри провел рукой по ее щеке.

– Пожалуйста. Но я заслужил награду за свою жертву. – Он улыбнулся. – Поужинаем вместе в понедельник?

– Поужинаем, если в ресторан не проникнут папарацци.

– Отлично. Это будет свидание. – Гарри поцеловал ее пальцы к большой радости гостей, которые считали, что стали свидетелями истинного проявления любви.

Ева позволила себе расслабиться. Ей было неприятно все, что они делали, но она благодарила Гарри, который пришел к ней в «Сирену» три недели назад.

– Кстати, на тебе сногшибательное платье, – заметил он.

Она поморщилась:

– Оно мне не нравится, но спасибо.

Следующая серия фейерверков должна была утихомирить гостей, однако они заговорили громче.

– Боже! Только не это! – воскликнул кто-то в толпе.

Гарри прищурился:

– По-моему, к нам торопится еще один гость, – сказал он.

Ева огляделась и увидела, что гости недоуменно смотрят в небо.

Она нахмурилась:

– Что это?

– Сюда летит вертолет, – ответил Гарри. – Ага. Я полагаю, организаторы приготовили еще один сюрприз.

– Мне кажется, в этом нет ничего занятного! – закричала Ева, стараясь, чтобы Гарри услышал ее, несмотря на рокот вертолета.

– Черт! Если это каскадер, я снимаю шляпу перед пилотом. – Гарри усмехнулся.

Вертолет приближался, и Ева смотрела на него как завороженная.

Садовые фонари отключили, чтобы фейерверк произвел максимальный эффект, поэтому она не увидела неожиданного гостя. Тем не менее по ее спине пробежал зловещий холодок.

Ева слышала крики пиротехника, приказывающего остановить фейерверк, когда очередная ракета полетела мимо вращающихся лопастей вертолета.

Толпа гостей притихла, когда дверь вертолета открылась, и появился мужчина, одетый в черное с ног до головы.

Ева напряглась, словно от удара электрошокером. Этого не может быть!

Он сидит за решеткой из-за своей алчности.

Заккео Джордано и люди, подобные ему, высокомерно считали, будто они вне закона. Они не заслуживают сочувствия Евы, хотя Заккео расплачивался в одиночку. Ее отец тоже отчасти виноват.

Но это был именно Заккео. И он шел в ее сторону.

Дойдя до террасы, Заккео остановился и застегнул однобортный смокинг.

– О боже, – прошептала Ева.

– Подожди... Ты его знаешь? – серьезно спросил Гарри.

Ева хотела соврать, что не знает мужчину, который жестко смотрел на нее.

Заккео Джордано, которого она имела несчастье недолго знать до его тюремного заключения, был коротко подстрижен и гладко выбрит.

Нынешний Заккео носил бороду, волосы струились по его плечам непокорными и густыми волнами. Ева сглотнула, удивляясь тому, как он изменился. Вместо холеного и художавого мужчины перед ней был мужлан с широкими плечами, мускулистыми руками и грудью, обтянутой тканью черной шелковой рубашки. Черные брюки облегли его мощные и крепкие бедра.

От него исходила ощутимая опасность.

– Ева? – озадаченно спросил Гарри.

Заккео отвел смертельный взгляд от ее лица. Он посмотрел на ее руку, которой она держала Гарри под руку, и отвернулся.

Ева кивнула:

– Да. Это Заккео.

Она следила за ним, когда он повернулся к ее семье.

Оскар разозлился и испугался, Софи удивилась.

Ева смотрела на мужчину, которого надеялась никогда больше не увидеть. Заложив руки за спину, он направился к ее отцу.

– Твой бывший? – настаивал Гарри.

Она в оцепенении кивнула.

– Тогда мы должны с ним поздороваться.

Гарри потянул ее за руку.

– Нет! Подожди! – в ярости прошептала она.

Но Гарри был либо слишком пьян, либо в самом деле не подозревал опасности. С бешено колотящимся сердцем она наблюдала, как Заккео и ее отец пристально изучают друг друга.

– Я не знаю, о чем ты думаешь и что здесь делаешь, Джордано, но я предлагаю тебе уйти до того, как тебя арестуют за причинение вреда, – сказал Оскар Пеннингтон.

Гости испуганно зашептались.

Заккео и глазом не моргнул.

– Говори, что тебе вздумается, но ты точно знаешь, почему я здесь, Пеннингтон. Изобрази скромника, если хочешь. Тебе не поздоровится, когда я устану от твоего притворства. – Он говорил почти шепотом, но у Евы на руках приподнялись волоски: она увидела выражение лица Софи.

Ее обычно невозмутимая сестра побелела как снег.

– Привет, Ева, – произнес Заккео, растягивая слова и не оборачиваясь. – Молодец, что присоединилась к нам. Не волнуйся, дорогая, я ненадолго.

Заккео усталился на кольцо на пальце Евы, потом бесцеремонно схватил ее за запястье и поднял его к свету. Он смотрел на кольцо буквально пару секунд.

– Как предсказуемо, – сказал он и небрежно опустил ее руку.

Ева сжала кулак, чтобы остановить трепет, пробежавший по ее телу от прикосновения Заккео.

– Что это означает? – спросил Гарри.

Заккео усталился на него серо-стальными глазами, потом взглянул на его родителей:

– Это личный разговор. Проваливай.

Питер Фэрфилд недоверчиво рассмеялся и расплескал шампанское, резко подняв руку:

– По-моему, ты ошибся, приятель. Уйти следует тебе.

Ева поймала грустный взгляд Гарри, но ей оставалось только молча наблюдать за всем происходящим. Ее сердце едва не выскакивало из груди, когда Заккео повернулся к Питеру Фэрфилду.

Она снова поразились тому, как изменилось тело Заккео.

– Не мог бы ты повторить, друг мой? – с трудом сдерживаясь, сказал Заккео.

– Оскар, кто это? – спросил Питер Фэрфилд у отца Евы, который лишился дара речи.

Ева встала между Питером и Заккео, боясь, что ситуация выйдет из-под контроля. Она ощущала спиной жар тела Заккео. Не обращая внимания на свои чувства, она откашлялась.

– Мистер и миссис Фэрфилд? Гарри? Мы догоним вас через несколько минут. Нам необходимо поговорить с мистером Джордано. – Ева посмотрела на отца, на виске которого пульсировала жилка. Ей стало страшно. – Папа?

Оскар встрепенулся, огляделся и нацепил очаровательную улыбку.

– Мы поговорим в моем кабинете. – Он зашагал прочь, а следом за ним притихшая Софи.

Заккео посмотрел на Гарри, потом на Еву.

– Ты уверена? – спросил Гарри с трогательной заботой во взгляде.

Ева кивнула:

– Да.

– Хорошо. Возвращайся скорее, моя радость. – Гарри поцеловал ее в губы.

Заккео едва слышно прорычал. Ева вздрогнула.

– Пошли, Ева, – сказал Заккео.

От его самоуверенной интонации ее бросило в дрожь.

Как только Заккео закрыл за собой дверь кабинета Оскара, тот повернулся к нему от камина, который не был разожжен. Ева снова заметила тревогу в глазах отца.

– Прежде чем ты начнешь говорить, я предлагаю тебе хорошенько подумать, сынок. Даже если бы время и место были подходящими...

– Я тебе не сын, Пеннингтон, – в ярости ответил Заккео. – А пришел я сюда потому, что у меня есть пять тысяч триста двадцать две страницы документации, которая доказывает, как ты и твои сообщники засадили меня за решетку за преступление, которого я не совершал.

– Что? – Ева ахнула и недоуменно качала головой. – Мы тебе не верим.

Заккео смотрел на ее отца:

– Ты, может быть, мне не веришь, а твой отец верит.

Оскар Пеннингтон рассмеялся, но как-то невесело. На его лбу выступила испарина.

Ева заупрячилась:

– Я уверена, что наши юристы с легкостью опровергнут все твои доводы. Если ты приехал, чтобы сделать гадость, то ты выбрал неподходящее время. Возможно, нам лучше встретиться с тобой в другой раз?

Заккео не двигался. Заложив руки за спину, он просто наблюдал за отцом Евы, словно хищник, готовящийся нанести смертельный удар.

Молчание затянулось. В воздухе витала угроза. Ева посмотрела на отца, потом на Софи; ее страх усилился.

– Что происходит? – спросила Ева.

Отец с такой силой схватился рукой за каминную полку, что костяшки его пальцев побелели.

– Ты выбрал не того противника, – сказал Оскар. – Ты очень ошибаешься, если думаешь, что я позволю тебе шантажировать меня в моем собственном доме.

Софи вышла вперед:

– Папа, не надо...

– Хорошо, что ты по-прежнему высокомерен, – прервал Заккео сестру Евы. – Я рассчитывал на это. А теперь я скажу, что собираюсь делать. Через десять минут я улечу отсюда с Евой, на глазах у всех гостей. Ты даже пальцем не пошевелишь, чтобы меня остановить. Ты сообщишь всем, кто я. Потом ты официально объявишь, что именно за меня твоя дочь выйдет замуж через две недели, и у нас есть твое благословение. Я заметил нескольких репортеров, поэтому твое заявление получит огласку. Если мне понравятся их репортажи, я свяжусь с тобой в понедельник, и ты начнешь отдавать мне долги. Однако если завтра утром в прессе не будет сообщений о нашей помолвке с Евой, я передумаю.

Дыхание Оскара Пеннингтона участилось. Он открыл рот, но не произнес ни слова. Ева уставилась на Заккео.

– Ты явно свихнулся, если думаешь, будто твои нелепые требования удовлетворят. – Она резко повернулась к отцу: – Папа? Скажи что-нибудь.

– Ему нечего тебе сказать, Ева. Он сделает именно так, как я говорю.

Она повернулась к Заккео и в очередной раз изумилась переменам, которые в нем произошли.

– Ты сумасшедший! – выпалила она.

Заккео не сводил взгляда с ее отца:

– Поверь мне, дорогая, я еще никогда не был так разумен, как сейчас.

Глава 3

Заккео наблюдал за тем, как рассерженная и озадаченная Ева смотрит на своего отца.

– Давай, Оскар. Она ждет, когда ты пошлешь меня к черту. Что же ты молчишь?

Пеннингтон подошел к письменному столу, его лицо посерело, а дыхание стало затрудненным.

– Отец! – Ева подскочила к нему, когда он рухнул в кожаное кресло. Она проигнорировала ядовитый взгляд сестры.

Заккео хотел схватить Еву и запретить ей смотреть на страдания отца. Однако он позволил, чтобы драма разыгралась в полную силу.

Он желал увидеть беспомощность в глазах Оскара Пеннингтона, которую тот жаждал видеть во взгляде Заккео на следующий день после вынесения приговора.

Обе сестры сустились около отца. Обе были испуганы. Ева посмотрела на Заккео, и ему стало не по себе. Он не ожидал, что так остро отреагирует на ее страх.

Она понравилась ему сразу, как только он увидел ее в ночном клубе и услышал ее проникновенное пение. Ева стояла на освещенной сцене, а пальцы ласкали черный микрофон так, словно она прикасалась к возлюбленному.

Даже точно зная, кто она такая, Заккео не смог перед ней устоять. Через несколько недель после их знакомства он убедил себя, что Ева не похожа на своих алчных родственников. В тот день, когда Заккео заключили под стражу, она публично отреклась от связи с ним, нанеся ему последний удар.

– Какого черта, по-твоему, ты делаешь? – в ярости пробормотала Ева, строго взглянув на него сейчас глазами цвета мха.

Заккео сдержал улыбку:

– Я требую возмездия за грех, дорогая моя. Что еще?

– Я не знаю, о чем ты говоришь, но я сомневаюсь, что мой отец сейчас в состоянии с тобой разговаривать.

Ее чопорный тон словно говорил Заккео, чтобы он не забывал своего места. Он обязан вести себя как примерный слуга и ждать позволения говорить, а не расстраивать своего хозяина мелкими проблемами.

Заккео охватила ярость. Он вонзил ногти себе в запястье и стиснул зубы.

– Я дал тебе десять минут, Пеннингтон, – произнес Заккео спустя некоторое время. – У тебя осталось пять минут. Я предлагаю отрететировать речь для гостей. – Заккео пожал плечами. – Хотя ты можешь поступить по-своему.

Ева бросилась к Заккео. Ее поразительно красивое лицо с безупречной кожей дрожало от гнева. Она остановилась в нескольких футах от него.

Заккео обратил внимание на разительный контраст между ее светлыми волосами, черными бровями и ресницами, который всегда его восхищал. Но не больше, чем ее чувственные, темно-красные губы. И ее фигура.

– Ты полагаешь, что я не имею права голоса в этом презренном спектакле, который ты устроил, – сказала Ева. – По-твоему, я буду безропотно смотреть, как ты унижаешь мою семью? Ты ошибаешься!

– Ева?.. – начал ее отец.

– Нет! Я не знаю, что именно здесь происходит, но я не останусь в стороне.

– Ты сыграешь свою роль, и сыграешь ее хорошо, – произнес Заккео, оторвав взгляд от ее губ, которые так хотел поцеловать.

– А иначе что? Ты реализуешь свои пустые угрозы?

Ярость Заккео сменилась удивлением. Ева не переставала его изумлять. Титулованные богачи почему-то чувствуют себя выше догматов, которые регулируют жизнь обычных людей. Его отчим был таким же. Он верил, будто родословная и связи защитят его от безрассудных сделок, и его, несмотря на недалекость, ждет обеспеченная старость.

Заккео с удовольствием наблюдал, как муж его матери стоит перед ним, съежившись, когда Заккео тайком перекупил семейный бизнес. Но даже тогда старик продолжал относиться к нему как к третьесортному гражданину.

Точно так же к Заккео относился Оскар Пеннингтон. Точно так же к нему сейчас относится Ева Пеннингтон.

– Ты считаешь мои угрозы пустыми? – тихо спросил он. – Значит, тебе ничего не надо делать. Просто смотри, как я закапываю твою семью в глубокую и темную яму. Просто наблюдай, как я организую скандал, масштаб которого ты даже представить не в состоянии. – Заккео обнажил зубы в безрадостной улыбке, а глаза Евы расширились от недоверия. – Действовать буду я.

Оскар Пеннингтон резко вдохнул, и Заккео снова на него взглянул. Оскар встал с кресла. Хотя старик выглядел хрупким, его взгляд был полон ледяного презрения. Но Заккео уже заметил в его глазах страх загнанного в угол человека.

– Твое время вышло, Пеннингтон.

Ева ответила вместо отца.

– Откуда мы знаем, что ты не блефуешь? – спросила она. – Ты говоришь, что у тебя есть доказательства.

– У тебя ничего не получится. – Оскар лукаво улыбнулся, и Заккео посмотрел на трех аристократов, которые бросали на него взгляды полные презрения и страха.

Его позабавила уверенность старика:

– Гарри Фэрфилд дает тебе кредит в размере пятнадцати миллионов фунтов, поскольку объединенные текущие расходы на отели Пеннингтонов и «Шпиль» такие большие, что банки не желают с тобой связываться. Пока ты отчаянно собираешь деньги на рекламу, чтобы сдать в аренду пустые этажи в «Шпиле», интерес китайского консорциума, которому принадлежит семьдесят пять процентов здания, возрастает. У тебя совещание с китайцами в понедельник. Ты собираешься попросить у них больше времени на выплату процентов. В обмен на инвестиции Фэрфилда ты отдал ему свою дочь.

Ева свирепо уставилась на Заккео.

– Значит, ты собирал сведения о делах Пеннингтонов, – сказала она. – Но это не дает тебе права ставить нам ультиматум.

Заккео понадобилась минута, чтобы вдоволь налюбоваться ее гневом. Во время их знакомства она была более робкой, находясь в тени своего отца.

– А вы хотите узнать о том, что китайский консорциум продал свои семьдесят пять процентов «Шпиля» мне три дня назад? – спросил Заккео. – Насколько я понимаю, вы задолжали мне выплату процентов уже за три месяца.

Оскар кашлянул. Он опустил в кресло, с ненавистью глядя на Заккео.

– Я понял, что ты безжалостная скотина, как только тебя увидел. Я должен был прислушаться к своей интуиции, – сказал Оскар.

– Мистер Джордано, мы же можем обсудить это как деловые люди, – произнесла Софи Пеннингтон, глядя на него с едва скрываемым пренебрежением.

Он посмотрел на Еву, которая снова подошла к отцу.

Внезапно в Заккео проснулось сострадание.

Он резко повернулся и потянулся к ручке двери:

– Я подготовлю вертолет. Ты летишь со мной, Ева.

Заккео вышел и направился к террасе, несмотря на желание вернуться в кабинет Оскара и вытащить оттуда Еву.

Как только Заккео появился на террасе, гости умолкли. На него поглядывали с любопытством, кто-то даже осмеливался с ним заговорить. Заккео прошел через толпу, глядя на вертолет.

– Подожди!

Три сотни пар глаз беззастенчиво смотрели на Заккео, когда Ева остановилась в паре футов от него.

Отец и сестра стояли на ступенях террасы и казались испуганными. Все внимание Заккео было приковано к женщине, которая шагала к нему. Ева смотрела на него с вызовом, гордостью и легким пренебрежением. И в этот момент Заккео поклялся, что заставит пожалеть о ее высокомерии.

Сплотнув, он оглядел ее с головы до ног.

Ева куталась в шаль, как в броню. Словно хотела защититься от Заккео. Он резко сорвал с нее шаль и бросил на землю. Шагнул вперед, он запустил пальцы в непослушные волосы Евы и притянул ее к себе.

У Евы перехватило дыхание. Она уперлась руками в его мощную грудь, не в силах сдвинуться с места.

– Ты думаешь, что выиграл, но ты ошибаешься, – отрезала она. – Ты никогда не победишь меня!

Его глаза блеснули.

– Сколько страсти, сколько решимости. Ты изменилась, дорогая моя. И все-таки ты пришла ко мне. А ведь всего несколько часов назад ты, Ева Пеннингтон, была готова выйти замуж за другого.

Ева усмехнулась, и он прищурился.

– Говори что хочешь, – ответила она. – Я с нетерпением жду шанса доказать тебе, что ты ошибаешься.

– Во-первых, прекрати говорить со мной как со слугой, – сказал Заккео. – И тогда я буду гораздо спокойнее, общаясь с тобой.

Ева сомневалась, что кто-то осмеливался бросать вызов Заккео Джордано. Она не забыла о том, что за ними следят гости. Она старалась держаться на ногах, но все же трепетала от прикосновения Заккео.

– Такое ощущение, Заккео, что ты решил меня воспитывать, – заметила она.

– Прояви терпение, дорогая моя. Ты получишь от меня все необходимые инструкции. – Его взгляд упал на ее губы, и ей стало трудно дышать. – Прямо сейчас я не хочу разговаривать.

Заккео поцеловал Еву в губы. Ей показалось, что земля ушла из-под ног. Он целовал ее чувственно и требовательно, словно имел на нее все права. А она дрожала от пламенного восторга, пока борода Заккео ласкала уголки ее рта.

Ева простонала, когда его язык настойчиво скользнул в ее рот. Ее руки коснулись его тугих бицепсов, пока она изнемогала от неги, рожденной его поцелуем. Как только их языки соприкоснулись, она вздрогнула. Проворчав, Заккео запустил пальцы одной руки в ее волосы, а другой рукой обхватил Еву за ягодицы. Отойдя от вертолета, он встал, широко расставив ноги, чтобы крепче прижать к себе Еву.

Она почти стонала, протестуя, когда он отстранился от нее, и посмотрела в его глаза с нескрываемым желанием.

– По-моему, этот спектакль пора заканчивать, – сказал он. – Залезай на борт.

Спокойные слова, контрастирующие с его страстным взглядом, вернули Еву в реальность.

– Значит, ты работал на публику? – прошептала она в оцепенении, дрожа на холодном ветру.

Заккео выгнул бровь:

– Конечно. По-твоему, я поцеловал тебя потому, что изнемогал от желания? Я умею себя сдерживать. Залезай сюда. – Он открыл дверь вертолета.

Ева провела холодными руками по своим плечам, не в состоянии двигаться. Она смотрела на Заккео, надеясь найти нечто человеческое в этом угрюмом истукане.

Его непримиримый взгляд говорил, что все ее надежды напрасны. Она всего лишь лелеяла глупые надежды.

Порыв холодного ветра коснулся обнаженной спины Евы. Она сделала два шага и споткнулась. Заккео схватил ее за руку.

– Что еще? – спросил он ледяным тоном.

– Я замерзла, – ответила она, стуча зубами. – Моя шаль...

– Оставь ее. В этом тебе будет теплее. – Он снял смокинг и накинул его ей на плечи. Ее окутали тепло и запах его тела. Она хотела плотнее завернуться в его смокинг. Но ей не нужны были ни сочувствие, ни доброта Заккео.

Заккео Джордано уже продемонстрировал желание уничтожить всех Пеннингтонов.

Ева больше не наивная и доверчивая девушка, какой она была полтора года назад. Предательство Заккео и холодное отношение отца и сестры ожесточили ее.

Она решила снять смокинг:

– Нет, спасибо. Я не желаю становиться твоей собственностью.

Заккео остановил ее, коснувшись руками ее плеч, и пригвоздил ее к месту холодным взглядом серо-стальных глаз.

– Ты уже моя собственность, – сказал Заккео. – Ты стала моей в тот момент, когда согласилась лететь со мной, Ева. И так будет всегда.

Глава 4

«О боже! Вчера во время красочного фейерверка леди П. воссоединилась со своим бывшим женихом, который вышел из тюрьмы».

«По-моему, это обычный рекламный трюк. Но говорят, они целовались!»

«Это не любовь. Это непристойная и бесстыжая сделка из-за денег».

Ева вздрогнула. Ее бросало в дрожь от каждого нового сообщения, приходящего на страницу социальной сети в Интернете.

Несколько часов после того как она и Заккео прилетели из особняка Пеннингтонов прошли как в тумане. Пролетев над лондонским Сити, они приземлились на крыше здания «Шпиль».

Ева едва обратила внимание на обстановку в потрясающем двухуровневом пентхаусе, когда загадочный помощник Заккео, Ромео, приказал дворецкому показать ей ее апартаменты. Заккео оставил ее стоять в центре вестибюля, пол которого был выстлан мраморной плиткой.

Она почти не спала. В пять часов утра она быстро приняла душ, а потом снова надела свое откровенное платье.

Сожалея, что не может укутаться в одеяло, Ева съежилась, увидев очередное непристойное сообщение на странице в социальной сети.

«Забудь свою богачку, парень! Есть настоящие женщины. Я хочу свести тебя с ума».

Ева сжала кулак, отказываясь думать о женщинах, готовых сводить Заккео с ума. Ей наплевать на него и на них. Будь у нее выбор, она находилась бы сейчас в десяти тысячах миль от этого места.

– Если ты собираешься отвечать на их сообщения, то хорошенько подумай еще раз.

Ева подпрыгнула, услышав резкий мужской голос. Она думала, что пробудет в гостиной одна по крайней мере еще несколько часов, прежде чем снова встретится с Заккео.

Она встала и повернулась к нему. Длинный черный замшевый диван был барьером, который их разделял.

– Я не собираюсь на них отвечать, – произнесла Ева. – И не надо так ко мне подкрадываться.

– Я не подкрадываюсь, – ответил он. – Если бы ты меньше упивалась своей славой, то слышала бы, как я вошел в комнату.

Ева рассердилась.

– Ты считаешь, что я упиваюсь своей известностью? Все это происходит потому, что ты превратил частную вечеринку в публичный спектакль, – сказала она.

– А ты так хотела выяснить, уж не забыл ли кто о тебе, что проснулась на рассвете и стала читать новости.

Ева хотела спросить, как он узнал, когда она вышла из своей спальни, но подозревала, что не захочет слышать ответ.

– Ты думаешь, я спала после того, как ты шантажом заставил меня приехать сюда? – спросила она. – И я не читаю бульварную прессу.

Он обогнул диван и остановился на расстоянии вытянутой руки от Евы. Она стояла с прямой спиной, рассматривая его привлекательное тело.

Всего только шесть часов утра, а Заккео уже хорошо потренировался. Капельки пота покрывали его руки, а влажная белая футболка облегла рельефный торс. Черные спортивные штаны из мягкого материала обтягивали мощные бедра. Ева, как замороженная, перевела взгляд от его бедер на руки и пальцы.

– Ты решила рассматривать меня все утро, Ева? – насмешливо спросил он.

Она посмотрела ему в глаза и вздрогнула. Напомнив себе, что научилась противостоять его чарам, Ева вздернула подбородок.

– Я намерена поговорить с тобой о вчерашних событиях, – сказала она. – Я просмотрела информацию в Интернете. Тебя освободили вчера утром. Теперь все ясно: ты по-прежнему слегка ошеломлен тюремной жизнью...

Его резкий и озлобленный смех прокатился по комнате. Ева скрестила руки на груди.

Заккео подошел к ней, с трудом сдерживая раздражение.

– По-твоему, я «слегка ошеломлен» ею, моя дорогая? – мягко спросил он. – А ты знаешь, каково целый год торчать запертым в сырой клетке размером шесть на десять футов?

Его лицо исказилось от мучений, и Ева могла лишь посочувствовать. Но потом она снова напомнила себе, с кем имеет дело.

– Конечно нет. Я просто не хочу, чтобы ты сделал то, о чем потом пожалеешь.

– Я оценил твою трогательную заботу о моем благополучии. Но я предлагаю тебе не тратить на меня силы. Прошлой ночью ты и твоя семья ничего не поняли. Настоящая катастрофа только начинается.

Прежде чем Ева успела ответить, на страницу социальной сети пришло еще несколько сообщений. Она прочла их – все они содержали обещания вскружить голову Заккео.

Закрыв ноутбук, Ева выпрямилась. Заккео медленно разматывал марлевый бинт с правой руки, не сводя взгляда с Евы. Молчание затянулось. Сняв с рук бинты, он бросил их на стеклянный журнальный столик.

– Кто-нибудь расскажет мне об этапах надвигающегося апокалипсиса? – спросила она.

Уголок его рта приподнялся в улыбке.

– Через полчаса мы завтракаем. После выясним, выполнил ли твой отец мои требования.

– А если он ничего не сделал?

– Тогда я уничтожу его раньше, чем планировал, – сказал Заккео.

Через полчаса Ева отчаянно пыталась проглотить кусок тоста с маслом и запить его чаем.

Несколько минут назад в комнату вошел задумчивый Ромео, а вместе с ним дворецкий, который принес пачку газет. Ромео разговаривал на итальянском языке и был так же красив, как Заккео.

Просмотрев газеты, Заккео улыбнулся, и Ева запаниковала. Он ничего не сказал после ухода Ромео. Заккео с аппетитом съел большую порцию яичницы, приготовленную на гриле, с грибами и копченым беконом и домашний хлеб.

Молчание затянулось. Ева поставила свою чашку на стол и посмотрела туда, где теперь стоял Заккео. Он остановился у противоположного конца обеденного стола, упершись руками в бедра, выражение его лица оставалось непроницаемым.

– Ева! – резко окликнул он ее.

У нее сжалось сердце, когда она взглянула на Заккео:

– Что?

Он молча смотрел на нее несколько секунд, затем произнес:

– Иди сюда.

Отказываясь показывать свой страх, она подошла к Заккео.

Он осмотрел ее с головы до ног, а она в очередной раз упрекнула себя за то, как бурно реагирует на его взгляд.

Ева встала позади стула в нескольких футах от Заккео. Она почувствовала запах его тела, ее соски тут же напряглись. Потом уставилась на его смуглую шею, которую было видно через расстегнутый ворот рубашки. Быстро скрестив на груди руки, она посмотрела на газеты.

Их вчерашняя встреча с Заккео произвела сенсацию. Об этом говорили и газетные заголовки, и их совместные фото.

– Я не могу поверить, что ты посадил вертолет в центре фейерверка, – выпалила она.

Заккео перевел взгляд с ее лица на первую полосу, где был снимок вертолета, спускающегося во время особенно сильного залпа.

– Ты волновалась за меня? – с издевкой спросил он.

– Ни в коем случае. Тебе наплевать на собственную безопасность, так почему я должна о тебе беспокоиться?

Наступило напряженное молчание, потом Заккео подошел к ней ближе.

– Я надеюсь, мое благополучие будет тебя волновать, как только мы поженимся, – сказал он.

– Поженимся? Разве ты недостаточно сделал гадостей? – отрезала она.

– Прошу прощения?

– Ты хотел унижить моего отца. Поздравляю! Заголовки о нас с тобой есть в каждой газете. Тебе не кажется, что пора остановиться?

Его взгляд стал ледяным.

– По-твоему, я с тобой играю? – вкрадчиво спросил он.

– А что еще? Если у тебя в самом деле есть доказательства, как ты утверждаешь, почему ты не передал их в полицию?

– Ты считаешь, я блефую? – спросил Заккео резко.

– Я убеждена, что ты просто обижен.

– Да? И в чем еще ты убеждена?

Ева запретила себе бояться его пристального взгляда.

– Ты хотел отомстить за плохое отношение моего отца. Ты отомстил.

– Значит, это он сделал все это, – он махнул рукой на газеты, – чтобы я не бился в истерику, как обиженный ребенок? А как насчет тебя? Ты бросилась мне в ноги для того, чтобы выиграть время и посмотреть, сколько продлится моя истерика?

Ева всплеснула руками:

– Хватит, Заккео!

Он запустил руку в ее волосы и коснулся большим пальцем ее подбородка.

– Как далеко ты готова зайти, чтобы заставить меня образумиться? – спросил он. – Еще вчера вечером ты пала так низко, что, как проститутка, продалась пьяному мальчишке, чтобы спасти свою семью.

Ева пришла в ярость:

– По-твоему, мне следовало продать престарелому преступнику?

Он наклонился, вынуждая ее отойти от стула.

– Ты отлично знаешь, сколько мне лет. Кстати, я хорошо помню, где мы с тобой были в полночь того дня, когда мне исполнилось тридцать. Или мне освежить твою память? – с насмешливым презрением спросил он.

– Не утруждай себя.

– Я сделаю это в любом случае, – произнес он, словно не слыша ее ответа. – Ты стояла передо мной на коленях у моей мансарды, и тебе было все равно, что нас увидят в бинокль.

Ты думала только о том, чтобы расстегнуть мои брюки и поздравить меня с днем рождения. О таком поздравлении мечтают многие мужчины.

Еве стало жарко.

– Это была не моя идея.

Он выгнул бровь:

– Разве?

– Ты бросил мне вызов.

Заккео усмехнулся.

– Разве я заставлял тебя? – Он поглаживал пальцами ее голову.

Ева глубоко вздохнула:

– Я не хочу говорить о прошлом. Я предпочитаю жить настоящим.

Первые два романа Евы закончились неудачно. Она поняла, что властные богачи жаждут только престижа. Познакомившись с Заккео, она решила, что он совсем другой. Сначала он пригласил ее на деловой обед, потом на благотворительную вечеринку. А потом настала та роковая ночь, когда она подслушала его разговор.

Она оказалась для Заккео средством для достижения цели. И он откровенно признался, что использовал ее.

Однако он был шокирован, когда она вернула ему обручальное кольцо. Она даже задавалась вопросом, правильно ли с ним поступила.

Ева встретила его взгляд:

– Ты получил то, что хотел. Твое имя рядом с моим на первых полосах газет. Весь мир знает, что я уехала с тобой, будучи помолвленной с Гарри.

Заккео обхватил ее затылок, поглаживая ее напряженную спину:

– И как только Фэрфилд выдержал такое бесцеремонное отношение? – спросил он.

– Гарри заботится обо мне, поэтому повел себя как истинный джентльмен. Жаль, что я не могу сказать то же самое о тебе.

Серые глаза Заккео угрожающе сверкнули.

– Думаешь, ему все равно, что он больше не получит доступа к твоему телу? – с издевкой произнес он.

Она подняла бровь:

– Никогда не говори никогда.

Заккео напрягся.

– Ты сильно ошибаешься, если думаешь, что я позволю тебе общаться с Фэрфилдом, – сурово предупредил он.

– Неужели ты ревнуешь, Заккео?

На его скулах выступил румянец, и Ева похвалила себя за смелость противостоять Заккео.

– Перестань меня испытывать, дорогая моя.

– Если ты хочешь, чтобы я прекратила, зачем вынуждаешь меня это делать? – спросила она.

– Запомни, что я не остановлюсь, пока репутация твоего отца не будет полностью разрушена. Он вернет мне все, включая проценты.

– Я могу увидеть доказательство вины отца?

– Ты поверишь мне, если увидишь документы? Или ты продолжишь верить, что я просто бросаю слова на ветер? – усмехнулся он.

Ева посмотрела на газеты на столе, размышляя, уступил бы ее отец Заккео, если бы его угрозы были пустыми.

– Вчера ты сказал, что мы...

— ...поженимся через две недели? Да, я не шутил. А через десять минут мы поедем выбирать камень для твоего обручального кольца. Поэтому заканчивай завтракать.

Он опустил руку и отошел от Евы. Решительно посмотрев на нее, он собрал газеты и вышел из комнаты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.